

18+

Боронзов Девсеей Артурович

Зелёная свала.

История брата и сестры

Алексей Воронков

**Зелёная скала. История
брата и сестры**

«Издательские решения»

Воронков А. А.

Зелёная скала. История брата и сестры / А. А. Воронков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969086-9

Писалась эта книга в специфической атмосфере. Я только начинал творить, параллельно читал «Как писать книги» С. Кинга. Тогда во мне парила философия т.н. «братосестринской» любви, не романтической, а родственно-глубокой. В этом духе и было создано это произведение, всё произошло само собой. Здесь часть меня. Можете быть уверены — написано не от всего сердца, нет. Написано самим сердцем.

ISBN 978-5-44-969086-9

© Воронков А. А.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ 1	6
Глава 1	7
ЧАСТЬ 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Зелёная скала. История брата и сестры

Алексей Артурович Воронков

© Алексей Артурович Воронков, 2025

ISBN 978-5-4496-9086-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ 1

Глава 1

На Большую равнину спустилась ночь. Темнота окутала островки леса поодаль, пробежавшую в низине речку, поляну с шатрами. Ночное небо чёрным куполом накрыло долину, а остроконечный месяц старался пролить на землю хоть немножко света.

Около одного из шатров, расположенных по краю поляны, показалось какое-то движение. Кто-то ещё не спал. Из шатра выбрались двое: юноша и маленькая девочка – брат и сестра. Они перешёптывались и устраивались поудобнее на зелёной сочной траве. Девочка держала в ручонках какой-то фрукт, а её брат прихватил с собой нож и лук, который он недавно сделал себе сам. Сестрёнка протянула ему свою вкусную ношу и стала смотреть, как он режет ту на дольки. Юноша разделил плод на четыре части и две отдал девочке. Она взяла их двумя руками и стала откусывать по очереди – то слева, то справа. Ей нравились три вещи: семья, еда и небо. Доев, она прижалась к брату и подняла глаза. «Месяц – это улыбка», – подумала она, и, переведя взгляд, стала рассматривать звёзды. «А если они живые? Тогда они грустят, ведь им не досталось ни кусочка...» – озабоченно размышляла девочка, потирая о траву липкие пальцы. Потом её глаза широко раскрылись, и она повернулась к брату и подёргала его за руку:

– Афел, Афел, а ты смастеришь мне палатку? Смастеришь?

– Зачем тебе палатка?

– Из берёзовых веточек.

– Зачем?

– Я там буду жить. Я и звёздочка. Хочу себе звёздочку, – вздохнула маленькая мечтательница и прислонилась щекой к руке Афела.

Юноша взглянул на небо и задумался. Потом он улыбнулся и повернулся к сестре.

– Знаешь, мне отец рассказывал о звёздах. Говорил, что они только кажутся нам далёкими. Есть места, откуда гибкий лук и верная стрела смогут достать звезду. Представляешь?

Глаза девочки сияли от радости и предвкушения.

– Ты достанешь мне звёздочку?.. Афел, Афел!.. – шептала сестрёнка, дёргая брата за руку.

Юноша сделал жест молчания и внимания. Девочка выпрямила спину и вытянулась вперед, приготовившись слушать.

– Отец говорил, что со звёздами надо быть осторожным, а то и не иметь с ними дела вообще! – сестрёнка ахнула и приняла грустный вид. – Он рассказывал о том, что нельзя трогать звёзды, можно только смотреть, так как они очень опасны. Звезда – она как огонь. Начнёшь баловаться с ним, и он накажет тебя. Это ведь так, Налли?

Девочка покивала головой. Она знала, что огонь горячий и с ним нужно вести себя смиренно и следить, чтобы он не натворил бед.

– Налли, Афел! – из шатра выглянула мать. – Ну-ка в шатёр! Засиделись вы, детки.

Мама тоже говорила шёпотом, дабы не разбудить мужа. Афел взял сестру за руку и повел в шатёр.

Наутро семья занялась привычными делами. Отец с сыном пошли вместе с другими мужчинами на охоту, мама тем временем рассказывала дочери истории из своей жизни и жизни её родителей. Налли любила слушать эти рассказы, они были увлекательными и интересными. Мама с дочерью хорошо коротали время. Разумеется, кроме этого, они занимались приготовлением пищи (Налли помогала, как могла, уж очень ей хотелось), резкой из дерева праздничных фигурок и многими другими делами, которыми женщины занимались с любовью и интересом.

Афел с отцом и охотниками шли к месту, где паслись таукварки. Крупные и сильные травоядные животные. Ходили обычно на четвереньках, но могли вставать на дыбы, чем напо-

минали голубого медведя. Маленькие головы с мощными челюстями, способными перекусить кость, скрывались в невысокой траве. Было видно только огромные туши на мускулистых ногах и длинные шеи, снующие в зелёных стеблях. Как всегда, они сбились в плотное стадо. Слух у них, по мнению охотников, был плох до невозможности. Если все охотники разом выстрелят в дерево, стоящее посреди стада, то не выдадут себя. Зато вопль сородича, получившего из лука в бок, мгновенно будит каждую особь от трапезного бдения. А тогда пиши пропало. Вмиг подымут свои шеи, увидят обидчика, заорут так, что ушам больно, и бросятся убивать. Кусать и топтать. Бежать бесполезно, охотники это знали. И умели этим пользоваться. Охотясь на быстрых копытных, они не старались их догнать или подстрелить. Просто охватывали местность полукруглым строем и, крича, бросая камни и палки, загоняли жертву прямо в стадо таукварков. И тогда начиналось зрелище. Огромные таукварки видели опасность в любом существе, нарушившим их покой. Если это был неуловимый тиктунак, чьи копыта от быстроты своей резали траву, гиганты, разрывая воздух воплями, бросались за ним, настигали, и один из них, самый ближний к скакуну, выбрасывал вперед шею и хватал обидчика за голову. Хряск черепа не слышен от подобного грому топота мощных ног. Потом, тряхнув несчастного в воздухе, таукварк швырял его в сторону, под ноги своим сородичам. На то, что оставалось от бедного тиктунака, хладнокровно поглядит только самый бывалый охотник. Переломанные кости торчат из обмякшего тела, рот покривился, безжизненно свисает язык. Добычу накрывали шкурами, обвязывали верёвкой и тащили по земле в сторону племени, к разделывательному шатру.

Но охотиться можно и на таукварков. Когда-то это считалось невозможным. Очень давно. Люди не осмеливались беспокоить этих громадных зверей, хранителей равнин, как их называют и по сей день. Гиганты тихо паслись на своих пастбищах, а племена жили рядом, по соседству. Шатры люди ставили на возвышенностях, чтобы однажды разъяренные таукварки, преследуя нарушителей своего покоя, не растоптали их вместе с жителями. Всякий человек с благоговением и страхом смотрел на исполинов. Женщины и дети изготавливали из дерева, глины фигурки таукварков и закапывали в землю, на то место, куда намеревались поставить шатер. Доставали изделия и ставили их перед жилищем в особый праздник – День большого зверя, единственный день в году, когда гиганты спаривались и рождали потомство. (Беременность длится ровно два года и роды приходятся на семьсот тридцатый-семьсот тридцать первый день после сношения, после чего проходит год, прежде чем родившая самка снова забеременеет). Так люди как будто показывали хранителям равнин, что, мол, и у нас есть юный таукварк, новорождённый. Также это было знаменем, свидетельствующим о будущем пополнении стада исполинов, о непременно появлении новых особей.

Но голод, как известно, беспощаден ко всему и всем. Сменялся климат, приходили болезни, гибли съедобные растения, покидали долину животные, на которых охотились люди. Выхода не было. Охотникам пришлось учиться добывать мясо этих почитаемых гигантов. А его в огромных тушах было столько, что племя могло смело забыть о недоедании. И они научились.

Орикир, отец Афела, дал товарищам знак: «в обход». Охотники окружали стадо. Орикир вел свою группу слева, глава племени – Тактарул – справа. Охотой сейчас руководил не вождь, хотя при загоне, ловле, стрельбе других животных именно он занимал эту должность. Сейчас была очередь Орикира. Такой был порядок. И только при охоте на таукварков. Так было завведено с первой попытки убийства исполина. Таукварки – очень почитаемые животные, поэтому руководить охотой на них можно было только по очереди, ибо не должно грузу убийства хранителей равнин накапливаться на одном человеке. Слишком тяжело будет таковому.

Орикир выискивал мишень – голову. Нужно найти таукварка, который стоит наиболее удобным для охотников образом. Необходимо по движению шеи в траве определить местоположение головы, отдать приказ навести туда луки и потом по звуковому сигналу – «хик!», что значит «питать», всем одновременно выстрелить. Мгновенная смерть не даст таукварку закричать и охотники не пострадают. Так и было сделано. Свист стрел, звук их проникнове-

ния в голову и ближайший участок шеи, медленно покачивающееся животное, в конце концов, падающее на землю. К тому моменту, когда туша рухнула, охотники лежали, распластавшись в траве, и так и не были замечены удивленными, испуганными и немного разозленными таукварками. Потом стадо засыпало на том же месте или уходило в другое. Охотники ждали этого момента, столько, сколько требовалось. Полежав неподвижно некоторое время, они осторожно вставали с земли, отходили к деревьям и наблюдали за стадом из-за них. Когда животные уходили, было проще. Никто не обступал мертвого зверя со всех сторон. Если же стадо засыпало, приходилось идти домой, а на следующее утро являться на место ночлега гигантов. Туда, где лежал убитый хранитель равнин. Хищники не могли за время отсутствия охотников попортить добычу. Потому что там, где жило племя, единственным хищником было оно само.

Охотники должны притащить тушу к шатрам. Но она была такой тяжелой, что без специальных приспособлений ничего нельзя поделывать. Для того чтобы доставить тело к поселению, охотники пользовались конопляными верёвками, отмоченными в горячем жире самих таукварков. Говорят, что первый таукварк был съеден людьми прямо на месте убийства, так как перетащить его возможным не представлялось. Верёвки после процедуры отмачивания становились очень гладкими и скользкими. Это помогало в транспортировке: их выкладывали дорожкой от места убийства до шатров.

Верёвки, чтобы зверя можно было сдвинуть с места, нужно протолкнуть под тушу. Их скрепляли с сужающимися к концу палками, вводимыми между трупом и землёй. Так и тащили, подбирая остающиеся позади верёвки, повторно смачивая их жиром и складывая перед телом.

Разумеется, охотники не утащат всего зверя. Кроме верёвок и ёмкостей с жиром у них были рубатели – тяжелые обоюдоострые камни, прикреплявшиеся к длинным палкам. С их помощью охотники отделяли от грузного туловища передние и задние конечности, шею, хвост. Сначала оттащивали их. Потом возвращались за туловищем (для него то и нужны скользкие верёвки), а тем временем женщины готовили мясо из уже доставленных частей тела.

Афел сидел, облокотившись о дерево, тяжело дышал. Туша была немислимо тяжелой, расстояние до поселения – большим. Орикир сидел рядом. Могучая грудь охотника вздымалась и опускалась, руки слабо упирались в землю. Все устали и остановились на привал. Отец и сын молча наблюдали за группой охотников, распластавшихся на траве неподалеку. Они что-то негромко обсуждали. Вероятно, не могли не упомянуть в разговоре то, что на этот раз туша особенно велика. Но никто не сожалел, что зверя не выпотрошили. Нельзя. Хватает того, что на таукварков ведут охоту. Оставшиеся от жертвы скелет и внутренности закапывали в землю после разделки недалеко от поселения. Абсурдная идея закопать внутренности на месте убийства никому и в голову не приходила. Послышался голос Тактарула – пора подниматься. Охотники преодолели только две трети пути.

Мужчины взялись за верёвки. Потасили. Часть охотников собирала веревки позади туловища таукварка и, смочив жиром, выкладывала перед жертвой.

– Идут, идут! – Маленькая Налли, подпрыгивая у шатра, указывала рукой вдаль. Алхана, её мать, улыбаясь, торопливо вышла, и приложила руку ко лбу. Солнце спускалось с зенита на запад. Стадо на этот раз ушло от убитого сородича к новым пастбищам. Поэтому уже вчера охотники доставили малые части тела гиганта, а сейчас возвращались с туловищем.

Орикир, кряхтя, обратился к сыну:

– Афел, погляди вперед! Что ты там видишь?

– Сестрёнку и маму, – с ноткой радости ответил Афел улыбающемуся отцу.

Охотники почти дошли. Тактарул велел поворачивать немного влево, чтобы дотащить тулово до намеченного места. Женщины уже столпились там, высматривая мужей и сыновей, держа в руках мокрые прохладные шкурки. Алхана с дочкой были там же. Налли переводила

взгляд с отца на брата и наоборот. И особенно задерживала взгляд на Афеле. Ей не терпелось ему что-то сказать.

– Отпустили, – приказал Тактарул. – Расходимся по семьям. Викафил, собери верёвки, – обратился он к тут же стоящему сыну. – Сложи их в мой сундук.

Мальчик отошел от матери и принялся выполнять поручение. Вождь обратился к жене:

– Всё ли готово?

– Да. Пусть к вечеру старшие охотники собираются у главного костра.

Все разошлись по шатрам. Орикир хорошо обтерся прохладной шкуркой, смочил в воде, передал сыну, лег. Афел расположился рядом. Они устали. А Налли всё не сводила с брата глаз. Охотники лежали с сухими глотками, они хотели пить, но слишком измотались, чтобы о чем-либо думать, даже о жажде. Алхана набрала воды в глиняные чарки и поставила у изголовья мужа.

– Попейте.

Орикир приоткрыл глаз. Он не спал. Перед собранием у главного костра это не положено. Он взял чарку и, пронеся её над собой, передал сыну. Тот привстал, облокотившись на левый локоть, пригубил, отпив половину, случайно посмотрел на сестру. Она глядела на него в упор. «Ну что ей надо?..» – закатив глаза, подумал Афел. Он поставил чарку на землю и снова улегся. На правый бок. «Похмурься, маленькая...» – подумал он с улыбкой. Но у Налли выражение лица не менялось. Она тихо сидела да ждала. Подходящего момента.

– Пора, – раздался голос Алханы. Орикир сел. Залпом осушил чарку. Молча вышел из шатра.

Охотники собирались у главного костра. Вождь приходил туда первым. Когда все явились, Тактарул стал говорить.

– Сегодня мы в двенадцатый раз на моей памяти собираемся здесь. Я учитываю и то время, когда ещё не был вождем. У меня есть, что вам сообщить. Предметом нашей сегодняшней вечерней беседы станет это.

Тактарул повернулся и достал из-за спины нечто. Это была голова таукварка. Она была пробита более чем десятком стрел. Охотники возбужденно зашептались, мол, никогда ничего подобного не обсуждали. Вождь знаком попросил тишины. И обратился к одному из охотников:

– Орикир, узнаёшь ли ты среди этих стрел свою? Хорошо погляди, – и передал ему голову.

Орикир принялся рассматривать. Одна из стрел... так глубоко вошла... да, его.

– Но... может один из вас делает стрелы очень похожими на мои? – обратился он ко всем.

– Нет, Орикир, это твоя, – вождь повернулся к остальным. – Так ведь?

Охотники закивали.

– Но ведь я не мог так выстрелить.

– А я и не говорю, что это ты. Афел сегодня впервые пошел на таукварков, не так ли?

– Так, – ответил Орикир, удивленно смотря на стрелу.

Алхана тем временем украдкой слушала разговор старших охотников. Она улыбалась. Женщина вышла из шатра через минуту после мужа. Дети остались внутри.

– Ну чего, ну чего тебе надо? А? – улыбаясь, спросил Афел.

Налли поёжилась на месте, потом встала и потрусила к брату. Уселась возле него, прислонилась спиной и, задрвав голову, посмотрела ему в глаза. «Сейчас опять будет клянчить. Что на этот раз?» – размышлял младший охотник.

– Афел, Афел, я хочу тебя попросить...

Тактарул оглядел взором присутствующих.

– Я сообщаю всем вам и тебе, Орикир, в частности, что у нашего племени есть лучник из лучников. Лучший. Это твой сын, – и вождь аккуратно вытащил стрелу за наконечник и протянул её Орикиру.

Тот взял, осмотрел её, перевел взгляд на Тактарула и улыбнулся.

– О чём же? – Афел заглянул сестрёнке в глаза.

– Помнишь, мы там сидели, помнишь? – Налли ручкой указывала на выход из шатра. Уже темнело. Афел нахмурился. Сестра продолжала:

– Я тогда рассказывала, что хочу...

– Так, – Афел перебил Налли и сурово поглядел на неё. – Я, помнится, говорил, что это нехорошо. Даже думать об этом не годится. Ты помнишь, что я тебе говорил про огонь?

– Ну пожа-алуйста, – Налли умоляюще глядела на брата своими зелёными глазами. – Мне очень хочется.

– Лучник из лучников! – вдруг донеслось из-за спины. Шатёр Орикира своим входом смотрел на Равнину, поэтому идущему от центра поселения, чтобы попасть внутрь, необходимо было обойти кругом. Шаги становились громче, потом легкая поступь. Алхана торопливо проникла внутрь и присела. Орикир зашёл следом.

– Лучший! – сказал он, оглядывая семью. Потом, присев, устался на Афела. Достал из-за пазухи стрелу и, покрутив её в воздухе, воткнул в землю. – Лучший из лучников!

Налли вся сияла. Отец заметил, и, смеясь, обратился к сыну:

– Смотри, как за тебя сестра радуется! Ух, ты моя расщастливая! – Отец взял дочку на руки.

Алхана тоже радовалась. И попросила подробней рассказать о случившемся.

– Стрела, говорит, твоя! – Начал Орикир. – Смотрю – ничего себе! Как глубоко зашла! Говорю, мол, да это не я! Это кто-то из вас стрелы такие же делает. А он мне и говорит, что, мол, я и не считаю, что это твой выстрел был. Афел сегодня первый раз пошел с нами, – Орикир изменился в лице. Стал излучать меньше счастья. Продолжил поспокойней. – На таукварков. Это был, значит, его выстрел. Хороший лучник у нас есть теперь. Лучший.

Орикир взял рукой сына за плечо и кивал головой, мол, молодцом, горжусь. Вот только Афел не улыбался. Он перевёл взгляд с отца на сестру. И мигом у Налли всё веселье с лица исчезло. Теперь она смотрела со страхом.

Орикир проследил взгляд сына, но на дочке свой не задержал. Он быстро посмотрел на Афела, а тот на него. Орикир кивнул и, поманив за собой сына, вышел из шатра. Они остановились на равнине неподалёку. Орикир с серьёзным лицом сказал:

– Ты прав. Нехорошо такое веселье поднимать. На таукварков ведь ходили. На хранителей равнин охотились. Тем более при малышке. Что же это я...

– Да, отец, так оно и есть, – сказал юноша, а про себя подумал: «А с тобой я сам разберусь».

Афел, пожмурившись, привстал, открыл глаза. Полог шатра был откинут, и солнце освещало всё внутри. Матери и сестры не было. Отец сидел на своём спальном месте и глядел перед собой. Он проснулся чуть раньше. Заметив сына, Орикир подал тому миску с мясом. Таукварка. Наверное, шея или хвост. Или конечности.

– Твой завтрак, – зевнув, сказал Орикир. Сам он ещё не ел. Афел взял миску и стал задумчиво жевать. «Где же можно побеседовать, да так, чтобы не видно-не слышно?». Да, его первой утренней думкой была просьба сестры. Доев, он встал и вышел из шатра. Осмотрелся. На расстоянии трёх поселений от их шатра текла речка. Там собралось несколько женщин. Они стирали одежды. Он искал мать среди них, но вместо этого обнаружил маленькое создание, плескавшееся в воде. Вдруг оно перестало брызгаться и поспешно вылезло из воды. «Заметила, остроглазая, – подумал Афел и пошел к реке. – Вот там и поговорим». Налли бежала навстречу. То, что она, вылезая из воды, как минимум дважды выкрикнула: «братик

проснулся!», было несомненно. Топот маленьких ножек становился всё громче и прервался. Афел подхватил сестру на руки прямо на ходу и продолжил шагать к реке. Налли обхватила его шею и прошептала на ухо:

- А мы куда?
- К реке.
- Там хорошо.
- Разумеется.

Он подошел к берегу реки, но не гладкому и постепенно переходящему под воду, а напоминающему собой маленький обрывчик. Взял сестру за ворот шкуры, в которую она была одета, поднял над водой и отпустил. Та с визгом шлёпнулась в воду. Он прыгнул следом, окатив лицо сестры брызгами. Афел хорошо ощущал дно. Оно было мягким и приятным. Он руками поддержал сестру, потом прислонил к этому самому обрывчику, зажав шкурку ворота в кулаке, который он вдавил в почву берега.

- Беседовать будем...

У Налли озорство с лица сошло не сразу. Она сказала:

– Вчера вы с папой вышли, и я так испугалась, что ты всё расскажешь, но ты не рассказывал.

- Решил поговорить с тобой сам.

– Отец зашел, и я спросила, почему ты – лучник из лучников. Он сказал, что твоя стрела глубже, чем стрелы других охотников, входит в добычу, а это значит, что у тебя руки сильны так стрелять. И я решила...

– погоди, – Афел перебил сестру, а у той уже улыбка на всё лицо расплзлась. – Послушай меня. Я не знаю, чем так опасны звёзды, но меня, как и всех мальчиков, однажды предупредили, что к ним лучше не соваться. Понимаешь?

Налли покивала головой.

– Я тогда спросила его, почему он зашел без тебя. Он сказал, что ты ненадолго остался на свежем воздухе. Я выглянула и вижу, что ты на небо смотришь... Тебе тоже кажется, что они красивые? – Налли опять сияла, как солнышко.

- Не кажется. Я знаю.

– Я бы так хотела посмотреть на них вблизи. Как бы было здорово, если бы ты согласился, – сестрёнка вздохнула и отвела взгляд влево от лица брата на полуденную синеву неба. – А днем их не видно...

Афел смотрел на её лицо и думал, что ему делать. Отпустил её ворот, вылез из воды, потом вытащил сестру.

– Дети! – Алхана всплеснула руками. – Вот умеете вы исчезать. Налли! Прячешься где-то и брата за собой таскаешь. Подошло время обедать. Идите в шатёр.

- Я сыт уже, – Афел почесал затылок.

– Ты-то – я знаю. Сестре мяса наложи, – Алхана сложила в сеть постиранные одежды и двинулась к месту сушки за немного опередившими её женщинами.

- Афел, ну что? – семеновшая рядом сестра подёрнула брата за руку.

Он не отвечал. Она какое-то время держала его за руку и смотрела ему в лицо. Увидев, что Афел её не замечает, она отпустила его и отвернулась, недовольно фыркнув.

Брат и сестра зашли в шатёр. Отца не было. Афел глазами поискал миску Налли и место, куда мама сложила мясо. Присел, наложил сестре еды и протянул ей миску, сказав одно слово: «таукварк». Налли кивнула. Она сложила под собой ноги и взяла обед. Стала есть. Брат внимательно посмотрел на неё. Потемневшие от воды пряди ложились на одежду. Влажные ресницы вверх и вниз скользили над умными глазами. Зеленого цвета. Он протянул руку и поправил ей волосы. Она подняла на него глаза. От удивления. Неловко улыбнулась и вернула миске свой сосредоточенный взгляд. Она хорошая девочка. Маленькая красавица. Афел сидел, улыбаясь,

и сам удивлялся своей ласке. Хорошая девочка. Вот хитрая только. После проявленной братом этой весьма неожиданной ласки в детских глазках девочки поселилось коварство. Хитрая. Он укоризненно покачал головой и задумался. А где отец?

Он посмотрел на Налли, а она на него. И по его выражению лица и положению тела девочка определила его намерения.

– Я и сама докушаю. Можешь идти, куда тебе нужно.

Афел иногда дивился ей. Она то как дитя, то как взрослая. Чудо на ножках. Он вышел. Обогнул шатёр и пошёл в центр поселения. Там сидели охотники и что-то горячо обсуждали. Среди них был Орикир. Афел прислушался. Нет... Невероятно. Ну что за напасть!

– Я говорю вам, есть такой среди моих предков, – Говорил один из сидевших, который постарше. – Он пошел на Зелёную скалу...

Охотник указал вдаль. Афел повернулся и увидел невысокую возвышенность в восьми, а то и в девяти поселениях от племени. Сверху каменистая и остроугольная, снизу покрыта травой и мелким кустарником.

– ...забрался на самое высокое место, направил в небо лук и выстрелил, несчастный.

– И что было? – спросил Орикир.

– Он-то не просто стрелял. Это вам не обычная охота. Он намотал на стрелу длинную конопляную верёвку. Тоньше тех, которые мы под таукварка убитого кладем. А какую длинную! Мой глаз не разглядит ее дальнего конца.

– И зачем он взял верёвку? – спросил один из охотников.

– Да как зачем? Вы думаете звезда – пташка? Стрельнёшь в неё, и она тебе мёртвая в руки свалится? Нет, не так всё. Примотал он один конец к стреле, потуже узел затянул, а другой конец вокруг тулова обернул и тоже закрепил. Лук свой гибкий направил прямо на звезду. Натянул тетиву сильно и отпустил стрелу роковую. Полетела она, гадина, вонзилась в треклятую звезду и повисла в небе. Предок же мой стал дергать веревку. Раз, два... Оторвалась звезда от места своего. Поташил. Тянет, тянет, руки свои на дело гиблое утруждает. Звезда-то не падает, со своего места снята будучи. Её тянуть надо. Она, скверная, будто сопротивляется, как зверь, который в нору бежал, охотник стрелой с верёвкой пронзил ногу, а тот все тащится в убежище, скребя землю лапами. Так и она. Вот тянет он её, вот берёт рукой стрелу. Смотрит на звезду, а та, мерзость, светится. Невелики они, звезды, а видим мы их хорошо. Это потому, что на небесах они свет сильнее дают, а по приближении к земле тускнеют. Так если б он только глядел на неё, как мы с вами! Он, горемыка, взял её рукой и снял со стрелы. Надвое переломил стрелу. Одной рукой за звезду взялся, а другой за наконечник. И снял. Пробил-то насквозь! Иначе не притянешь.

– И что же стало с ним?

– Ой, друзья. И вспоминать горько. Исчез.

– Как исчез?

– Куда?

– Ушёл?

– Пропал куда-то. А куда, не знает никто. Только через два дня из племени женщина пропала. Молоденькая. Никто не видел вора. Криков тоже не было... Это он сделал, друзья, уверяю вас.

Установилось молчание. Охотники размышляли. Афел прислонился к шатру. Он знал, что в нём никого не было. Старый рассказчик жил один. Афел взглянул на небо и вздохнул. Потом нахмурился и стоял так, в раздумьях.

Тишину прервал один из охотников.

– Ты столько рассказал нам. А откуда ты это всё знаешь?

– Не скажу.

– От чего же?

- А дюже много хохотать будете.
- Ну если на то велик будет повод, – сказал Орикир, потягиваясь. Старый охотник сурово посмотрел на него. Орикир сделал движение, как бы говоря: «помягче, помягче». Сказал:
- Не будем, – он повернулся к остальным. – Не будем, друзья.
- Хорошо, – сказал старик, оглядев присутствующих. – Он сам говорил мне.
- Кто это – сам?
- Кто рассказал тебе?
- Орикир поёжился, догадываясь. Старик, хмурясь, промолвил:
- Он. Он говорил со мной. Не помню я имени его. Предок мой! Стреляка!..
- Все так и отшатнулись. Как такое возможно? Охотники были потрясены. Один из них сказал:
- Но ведь ты говорил, что этот человек не твой отец. И не дед. И даже не прадед!
- Что ты такое говоришь?
- Старик вздохнул.
- Он приходил ко мне во сне.
- Послышался свист. Кто-то хлопнул себя ладонью в лицо. Орикир покачал головой.
- Тут дело не в смехе, а в вере. Твоим словам. Сны – это не то место, откуда надо знание черпать.
- А ты, гляжу я, ведаешь, кто да где знание положил.
- Прости нас, друг, но все, что ты рассказал, можно теперь ставить под сомнение.
- Да как ты смеешь! – вспылil охотник. – Я знаю, что говорю. Поспрашивай у древних племени сего, и они тебе скажут, что в моем роду есть стреляющий в небо.
- Но ведь это простой сон... – сказал самый молодой из сидевших. Старик было раскрыл рот, чтобы поставить на место мальчика, но позади раздался голос:
- Сны простыми не бывают.
- Два охотника расступились, освобождая место для вождя.
- Спокойно, добрый рассказчик. Я верю тебе. Я думаю, что тот, кто пришел в твой сон, говорил правду.
- Тактарул многозначительно окинул взором присутствующих. Старик тихо сказал:
- Не всю правду.
- Хм...
- Я точно знаю. Что-то он не сказал. Выстрел, звезда, похищенная женщина. Зачем он её украл? Куда ушёл? Такой мощный и точный выстрел... – старик повернулся к Орикиру. – Приглядывай за своим юнцом. Чтобы он не наделал глупостей, Орикир.
- Нет причин беспокоиться, Тахан. Афела я ещё ребёнком научал, что со звёздами дел никаких иметь не следует. Да и больно нужны они ему. Не хочешь ли ты сказать, что вот если охотник – лучникам лучник, то, безусловно, он пойдет стрелять в небо? Я так не думаю.
- «Мне-то они не нужны, – подумал Афел, – но они нужны ей».
- И юноша развернулся и пошёл в шатёр своей семьи. Больше он ничего не слышал.
- Афел зашел внутрь и увидел Налли, сидящей на том же месте. Она задумалась и смотрела перед собой, не замечая брата. Миска, уже пустая, стояла там, откуда он взял её, чтобы наложить сестре мяса. Вымытая. Афел улыбнулся.
- Шустрая ты.
- Налли повернулась на голос. Увидев брата, она улыбнулась в ответ.
- Да, я опять ходила к реке. Мамы нет до сих пор. Наверное, беседует с другими женщинами.
- Она вздохнула. Афел подсел рядышком и обнял сестрѐнку.
- А когда она придет, мы её покормим.
- Ага.

Потом какое-то время они так и сидели, смотря перед собой и думая о своем. Афелу пришла в голову мысль. Весьма неожиданная. Он сказал:

– А пойдём-ка в лес. К югу отсюда. Помнишь его? Он совсем маленький...

– Да, мы туда с папой ходили. И с мамой. И с тобой, – Налли обхватила руками шею брата и, наклонив голову, спросила. – А что мы там будем делать?

– Рыбу ловить!

Налли засмеялась.

– А честно?

– Мы пойдём и соберём кореньев. Мама будет рада такому делу.

Девочка уже загорелась от нетерпения. Она вскочила.

– Пошли, пошли! Хватит сидеть... – Налли стала поднимать брата за руку.

Афел захохотал.

– А куда ты собралась собирать их? За пазуху?

Она хихикнула.

– Не-ет. В корзиночку.

– Так вот она, – Афел достал из сундука красивое плетеное изделие из конопляного волокна, лопатку и какой-то свёрток. Подал сестре корзинку. Та схватила её и рванула из шатра, но врезалась лбом в отца.

– Тише, тише, девочка. Ты куда бежишь? – он заботливо погладил её по голове.

– Папа... – Налли обняла его за правое бедро, об которое она и стукнулась.

Отец поднял голову и спросил у Афела:

– Так куда... – и замер, задумавшись. Взгляд Орикира упал на свёрток в руке сына.

– Зачем он тебе?

– Давно хотел показать Налли, как делают луки.

– Мы идём собирать коренья! – торжественно объявила Налли.

– Да что ты говоришь! – Орикир потерев рукой волосы дочки, от чего они разлохматились. Та начала поправлять причёску и, оставив некоторые места неприглаженными, взяла руку отца и стала её легонько дёргать.

– Можно мы пойдём, можно?

– Конечно, девочка моя.

Налли вприпрыжку покинула шатер. Улыбающиеся отец с сыном стояли и смотрели друг на друга пару мгновений. Орикир хотел что-то сказать, но услышал голос жены, раздавшийся снаружи шатра:

– Ты это куда, за кореньями? Посмотри, со мной поделились.

Алхана зашла в шатёр, держа дочку за руку, Орикир отступил в сторону, с улыбкой смотря на своё дитя.

– Ну ничего, завтра ходите.

– Тогда мы идем купаться! – объявил Афел, чем вызвал на лице сестрёнки выражение небывалого счастья.

– Ну, идите, – одобрила мать.

Афел подхватил сестру, взгромоздил её себе на плечи и пошёл к реке. Налли сидела, покачивая головой и ножками, держа брата за голову и что-то напевая.

– А я пока приготовлю кореньев, – сказала Алхана, присела на пол и достала из сундука свой нож. – Орикир, разведи костёр.

Тот было вышел из шатра, но остановился и, повернувшись, сказал:

– Неплохо бы Налли научиться их готовить.

– Она уже умеет, – не без гордости ответила жена.

– Ух ты. И когда ты всё успеваешь? Вы успеваете, – Алхана в ответ улыбнулась.

Орикир, цокнув и покачав головой, вышел. Поглядел вдаль, увидел барахтающихся в воде Налли и Афела. Неподалёку от них играли другие дети. Но Налли и Афел были сами по себе, и всё у них было пополам. Сейчас – веселье. Орикир с наслаждением вздохнул. «Всё-то он для неё делает. Вырос уже давно с этого купания, брызгания, кувыркания. Но ей надо, ей хочется, и он её поддерживает, участвует в детских радостях сестрёнки, разделяет их с ней», – думал Орикир. Счастливый отец.

– Орикир! Как там костёр? – раздался из шатра голос Алханы, прекрасно понимающей, что никак. – Думаешь, не знаю, чем ты там занят? Уставился на реку и стоит. Мне огонь нужен. Да, и насчёт реки. Вода мне тоже пригодится.

Орикир достал из-за пазухи зажигательные камни, потом, вспомнив о хворосте, провёл ладонью по лицу и безнадежно посмотрел в сторону костра. И диву дался.

– Да, ветки я уже принесла, – сказала Алхана.

Орикир улыбнулся до ушей. И пошёл было в шатёр целовать жену. Но голос Алханы остановил его:

– Костёр!

Она знала его как свои пять пальцев.

– Ещё! – звонко и переливисто хохоча, кричала Налли, и очередная волна, вызванная могучими руками брата, окатывала её.

Орикир разводил костёр, поглядывая назад, на реку. Оттуда доносились детские визги. Он старался уловить голос дочери, и, кажется, тот доносился до его ушей.

– Готово, – сказал Орикир жене, и пошёл в шатер за ёмкостью для воды. На входе он встретился с ней. С ёмкостью. И с женой, которая стояла и держала её на вытянутой руке. В другой были нарезанные коренья, надетые на палочки.

– Бери кувшин и иди. Только не задерживайся там надолго.

Орикир взял кувшин за ручку, одновременно обхватив пальцами кисть жены. И потянул на себя. Алхана легонько чмокнула его, отвела в сторону другую руку мужа, не дав себя взять за талию, и пошла к костру, по пути обернувшись к нему с ласковой улыбкой.

– Догоню! Догоню и съем! – говорил Афел, бегая за Налли вдоль берега.

Та, взвизгивая, кричала в ответ: «Ни-за-что!» Потом с разбега, смеясь, прыгнула в воду. Брат за ней. Ему казалось, что он скоро из сил выбьется, носясь за сестрой по берегу, с него в реку и наоборот. Афел бы давно вспотел, если бы не река, в которую он вновь и вновь падал, преследуя Налли. Но та готова была бегать и хохотать без усталости хоть весь день. В конце концов, Афел схватил неугомонную девчонку, от чего она пронзительно вскрикнула, выпрыгнул с ней на берег, обхватил обеими руками и бревном покатился со склона, чем ввёл её в ещё больший восторг.

Лёжа в траве и держа брыкающуюся Налли на животе, он ломал голову над тем, как успокаивать сестру. Афел уже увидел отца, направляющегося к реке.

Тот шёл размеренно, размахивая кувшином в правой руке, улыбался. Афел начал вставать, пытаясь поднять и Налли. На его счастье та сама увидела отца и, оставив брата в покое, побежала к нему. Орикир схватил дочку, поднял над землёй, покружился с ней, слушая её смех и смеясь сам. Потом передал её бедному Афелу и пошел заполнять кувшин. Но не тут-то было. Налли помчалась за отцом и взяла у него кувшин. Сама набирать воду будет. Наполнив кувшин, Налли протянула его отцу. Она едва держала его, тяжелый был. Орикир наклонился и, поблагодарив, взял из рук дочери кувшин.

Стемнело. Семья собралась на ужин. Алхана разложила по мискам приготовленные коренья, поставила себе, мужу, детям. Все молча ели. Налли иногда, когда мать не смотрела в её сторону, кормила брата с руки своими ломтиками. А он, в свою очередь, делился с ней.

Стали ложиться спать. Алхана на ночь целовала дочку. Та делала то же в ответ. Помимо того, Налли просила, чтобы мама поцеловала на ночь и Афела. Алхана объясняла ей, что он уже

большой, но безуспешно. Пришлось выполнить просьбу. Афел тоже поцеловал мать, будучи уверен, что сестра обязательно от него это потребует. Довольная, Налли повернулась на бок и закрыла глаза. Так и заснули.

Афелу снился сон. Не из приятных. Почти кошмар. Ему снилось, что он лежал на своем спальном месте, а полог шатра был откинут и лунный свет заходил внутрь. По полу скользнула тень. Фигура. Женская. В шатёр кто-то заглянул. Это была какая-то девушка, он её не знал. Она зашла внутрь и тихо подкралась к нему. Вероятно, думала, что он спит. Или нет. Она встала на колени, потом присела на свои ноги. Так близко к нему. Рядом с правой рукой, почти у изголовья. Она наклонилась к нему, опёршись руками на его плечи. Наклонилась лицом и он заглянул ей в глаза. Зелёные, почти светящиеся в темноте, они полыхали игривостью. И коварством. Она улыбнулась ему и сблизилась с ним ещё больше. Что-то прошептала, и он губами чувствовал её дыхание. Мурашки пробежали по телу. А потом он почувствовал её губы своими. Она была так холодна и так горяча в тот миг. Раскаленное, испепеляющее пламя она вдохнула в него, и оно поселилось в нем и грело, и сжигало изнутри. Потом её лицо стало отдаляться от него, ещё сверкая изумрудными глазами, и золотистые локоны расстались с его кожей. Она выпрямилась во весь рост и обнажила белоснежные зубы. Засмеялась. И так, хохоча, выбежала из шатра. А он лежал и дрожал всем телом. Огонь не покидал его.

Афел резко вскочил, проснувшись, и тяжело дышал. Полог шатра и впрямь был откинут, и юноша, преодолев страх, встал и закрыл его. Афел тяжело рухнул на шкуру своего спального места. «А она красивая». Он мотнул головой, стараясь выбросить из головы дурные мысли. Оглядел семью. Отец дремал, по-видимому, тоже не слишком спокойно. Алхана крепко спала. Афел перевел взгляд вниз, где лежала сестра. Он вдруг заметил, что глаза Налли открыты, и, едва не вскрикнув, шарахнулся в сторону, ударившись спиной о стенку шатра. Почти не слышно простонав, он вытер рукой лицо. Она просто не спит. Налли привстала и прошептала брату:

– Плохой сон приснился? Это все потому, что ты не хочешь маму на ночь целовать. Для виду только делаешь. Сам виноват.

«Ну спасибо, – подумал Афел. – Утешила».

Налли посмотрела на закрытый в шатёр вход. «Странно».

– Это ты закрыл?

– Да, только что.

– Я оставила полог откинутым. Смотрю по ночам на звёзды.

А Орикир и правда беспокойно спал. Ему, как и Афелу, в эту ночь что-то снилось. Орикир будто шёл по траве, было темно. Изредка на пути попадались деревья. Он посмотрел вдаль и увидел человека. Тот стоял спиной к нему, рядом с деревом. Вдруг как закричит. Орикир подбежал к нему, смотрит, а у него рука в крови. Стрела проткнула кисть.

Что-то бормоча, Орикир проснулся. Поглядел вверх. Шатёр. В нем было довольно светло. Он привстал и посмотрел вперёд. Вход в шатер открыт. Ах, да. Налли перед сном откинула полог. Детская прихоть. Неважно. Он снова лег и повернулся к жене, обнял её. Ненароком посмотрел ей через плечо, туда, где спали дети. Их нет! В шатре только он и Алхана! Он начал вставать, разбудил жену.

– Что? – сказала она. – Их нет? Ой, успокойся, они опять торчат возле шатра. Ночные беседы...

Алхана встала и вышла из шатра на залитую лунным светом траву. Позвала детей, огляделась. Пусто. Никто не отозвался.

– Куда же... – выдавил из себя Орикир. Алхана обошла шатёр. Оглядела Равнину. Потом остановилась взглядом где-то вдалеке. Что-то привлекло её внимание. Алхана с любопытством смотрела на нечто необыкновенное.

– Что там? Что такое? – заинтересовался Орикир, уже было возмущившись спокойствием жены. Зрением он уступал Алхане.

– Я вижу... – начала она. – Точку. Она светится и... медленно опускается все ниже. Её видно хуже, хуже...

– Какая точка?! Алхана! Где дети?! Какая ещё то... – и он застыл как изваяние. Холодная догадка сковала тело и душу. Сам себе противясь, отвергая предубеждения и подозрения, Орикир метнулся в шатёр. Глянул на стену. Два лука, все в порядке. Нет, не в порядке. Хладный пот выступил на лбу и Орикир рванулся к сундуку. Резко открыл, глянул... И вопль ужаса огласил шатер изнутри. На вопросы и причитания Алханы никто не отвечал. Нет свертка! Нет его!!!

Орикир выбежал из шатра как безумный. Глаза его наполнились слезами и отчаянием, он глянул в зловещую темную даль... И побежал. Как говорят в племени, «быстрее тиктунака».

Афел с усилием тянул за веревку, до сих пор дивясь, как ему удалось её украсть. С помощью Налли! Она зашла в шатёр вождя, посмотрела на сундук, на который ей указывал Афел, и тихо, как мышь, прокралась к нему. Афел стоял у входа и дрожал от страха. Если бы Тактарул услышал крадущуюся девочку, досталось бы всей семье. Особенно Налли. А больше всех ему. От отца. У Афела было плохое предчувствие. Ему казалось, что тайное станет явным. Или отец вдруг проснется, он беспокойно спал, как и Афел. «Она... Тьфу! Ужас!» Или ещё случится что-нибудь и всё – конец. Жизнь не станет прежней. Она станет хуже. Но ему счастливые глаза сестры дороже всего на свете. Вот она стоит сейчас рядом, восхищенно смотрит вверх. Радость переполняет её. Ничего другого он и желать не смеет. Звезда все ближе. Все менее и менее яркая. Так интересно...

Орикир бежал, обливаясь потом. К злосчастной Зелёной скале. По пути он схватил палку, чтобы, если успеет вовремя, выбить ей с расстояния стрелу из рук... Афела! «Сын таки пошёл на это! Зачем?! Что это за проклятие такое?! Как лучший лучник, так... Невозможно! А Налли где?! Где дочь?! Ох, ужасный день. Куда еще хуже? Позор, какой позор. Полоумный! Только вот-вот говорил с охотниками, уверял их, что Афелу это не нужно. И на тебе! Выкуси! Счастливый отец... Тьфу!»

Алхана уже перестала плакать. Она поняла, что с детьми случилось что-то ужасное, и это как-то связано с треклятой точкой. И ещё ей было ясно, что она тут не помощница. Орикир что-то знает. Это настораживало. Она не знала, что и думать... Но все плохо. Очень плохо. Она это чувствовала. Никаких сомнений. Будет трудно. Будет больно. Будет страшно.

Всё это сразу.

– Ура, ура, ура! – кричала Налли, смотря, как Афел перехватывает руку с веревки на стрелу. – Ура-а!

Юноша, не отрываясь, смотрел на светящийся шар, обеими руками взялся за стрелу, сопротивляясь тяге звезды, стремящейся вырваться и улететь в небеса. Но удерживать её Афел был в силах. Он присел, скрестив ноги, с улыбкой посмотрел на сестрёнку. Налли подошла ближе и наклонилась, вытянув голову вперед. Она приоткрыла рот и дышала через него. Афел предостерёг её:

– Осторожно, не трогай!

– Не буду.

– Красиво...

– Да... А можно мне подержаться за стрелу?

– Конечно. Только ты сама не удержишь. Хватайся ниже. Под моими руками.

Налли взялась за стрелу. Зачарованно смотрела на звезду.

– Жалко я не смогу пожить с ней в палатке... из берёзовых веточек.

Она вздохнула. Афел наклонил голову и посмотрел на Налли из-за стрелы со звездой.

– Я сложу эту палатку, и мы с тобой там поживём. Я буду большая звёздочка. Возьмусь за стрелу и буду выползать из палатки, а ты меня будешь удерживать.

Налли засмеялась. Ей всегда нравились шутки брата. Смеялась она так заразительно, что Афел тоже хохотнул. Потом Налли, в свою очередь, выплянула к брату из-за стрелы. Хотела что-то сказать. Он удивился её молчанию, с улыбкой спросил:

– Ты чего?

Она не ответила. Да и глядела куда-то мимо Афела.

– Папа...

Орикир, тяжело дыша, забирался на вершину Зелёной скалы. Сердце грохотало в груди, он отчётливо чувствовал каждый удар. Продолжал бежать... по зелёной траве к месту, где земля переходит в камень. Поднял голову вверх, чтобы посмотреть, сколько осталось до цели, и чуть не упал от увиденного. Его дочь... сидит рядом с Афелом и держится за стрелу. Звезда... Кидать палку было некуда, незачем... И он с силой бросил её себе под ноги.

– Вот и всё, – шепнул юноша. Он разжал пальцы.

– Афе-ел!!! Таукварк тебя раздери! – завопил Орикир.

Налли, перепуганная криком отца, тоже разжала пальцы, потом с ужасом увидела, как звезда, набирая скорость, стала подниматься.

– Звёздочка! – девочка из-за всех сил подпрыгнула, надеясь схватить стрелу. Но нет... Звезда оказалась в руках Налли.

Афел видел, как сестра рухнула наземь. С неистово светящимся шаром в руках. Она безотрывно глядела на звезду в упор. Орикир без раздумий схватил палку. Афел рывком поднял сестру и стал разжимать её руки. На мгновение он посмотрел ей в глаза. Этот взгляд ему не забыть. Орикир оттолкнул сына в сторону и со всего размаху снизу вверх точным ударом выбил из рук Налли звезду. Шар взмылся ввысь, набирая силу света. Девочка пронзительно вскрикнула и снова упала. Она лежала, глядя на свои руки, источавшие пар, и плакала. Отец поднял её и обнял, прижимая к себе, а Афел стоял сзади и видел руки сестры с покрасневшими ладонями, обхватившие шею отца, слышал рыдания и всхлипы, смотрел на заплаканные глаза. Ох, это был другой взгляд, совсем другой.

Солнце уже показало свою макушку, когда трое вернулись домой. За весь обратный путь отец и сын и словом не обмолвились. Алхана ждала их до самого рассвета. Она бросилась к мужу и взяла дочку на руки. Та уже начала засыпать. Алхана занесла Налли в шатер, положила на шкуры и ахнула, увидев руки дочери. Повернула голову назад, желая увидеть мужа и вопросительно взглянуть ему в лицо. Но его рядом не оказалось. Она услышала его голос, он был снаружи.

– Говори ты, – сказал Орикир, не глядя на сына. – Я не могу. Не знаю, что спрашивать.

– ...не думал, что так выйдет... – начал Афел.

Орикир резко глянул на него, двинулся вперёд, замахнувшись рукой, и чуть не крикнул. Сдержал себя и, почти шёпотом, процедил:

– Не думал! О чем ты вообще думал?! Ты забыл, чему я тебя учил?

– Я не забыл. Трогать нельзя было. Это вышло случайно.

– Из-за тебя она могла по... – Орикир осёкся. Вспомнил, что жена может все слышать. Так оно и было. Алхана вышла из шатра и встала перед мужем. Лицом к лицу. Она молчала и сурово глядела на него. Ничего и не нужно было говорить. И так ясно: она ждёт объяснений. Орикир попытался соврать:

– Она обожгла руки. Костёр... – и тут же ладонь Алханы обожгла ему щёку. Он выпучил на неё глаза. Впервые за восемнадцать лет супружеской жизни он получил от жены затрещину. Но он не возмутился этим поступком, просто был очень удивлен. Слишком глубоко в душе сейчас сидело другое. Его дочь. Орикиру было не до пощечин и не до чьих-либо прав их отшивания.

– Правду хочешь? – обратился он к жене.

– Это как то связано с той светящейся точкой? Так ведь?

– Именно, – Орикир взглянул на Афела. – Вот пусть он и рассказывает.

Алхана, не поворачивая голову, скосила на сына свои недобрые глаза.

– Говори.

– Я виноват. Она просила меня показать ей звезду, достать её. Я предупредил Налли, что дотрагиваться нельзя. Она послушалась, – Орикир сдерживал себя из-за присутствия жены. Он бы уже перебил сына вопросом, который у него был не один. – Она просто смотрела. Потом отец нашел нас. Когда я это понял, отпустил стрелу со звездой. Но Налли ещё держалась. Потом отец крикнул на меня, сестра испугалась, тоже отпустила, но, спохватившись, прыгнула за взмывшей вверх звездой и схватила её, а не стрелу. Вот она, – Афел вытащил из-за пазухи стрелу. Я дернул её, желая забрать звезду у Налли. И сломал. Наконечник там остался.

Алхана было замахнулась на проклятую стрелу, но отступила, закрыла лицо руками и уткнулась мужу в грудь, содрогаясь в рыданиях. Тот обнял её, закрыл глаза. Афел стоял рядом и не знал, куда себя деть. Ужасно.

Он хотел пойти к сестре, ко своей Налли, но не мог. Себя корил. И отец бы не позволил. Плохо. Все так и случилось... Афел уже не выносил происходящего. Надо бы уйти куда-нибудь, уединиться. Ещё эти глаза... Надо подумать. Посидеть и осмыслить всё. Он решил. Орикир только провожал его взглядом. Афел ожидал, что отец окликнет его, причём строго, но отбросил эту глупую мысль. Мать. Она и не заметила, как ушёл сын. Орикир завёл её в шатер.

Юноша сидел на берегу реки, на том самом, на обрывчике. Глядел на воду, где он ртом ловил счастье вместе с сестрой. «Ну как же так!». Афел ударил ногой в воду. Круги разошлись от места удара, искажая отражение лица. «Правильно, урод...» – подумал юноша. Потом мотнул головой, освобождаясь от гнусного подобия самокритичности.

«Она схватила её... что же теперь будет? Быть может, ничего... А что тогда с её руками? Хм. Может, звёзды особенно вредны именно лучникам? – Афел пребывал в размышлениях. – Тогда... Что было с её глазами? Ох... Первый взгляд, когда она схватила звезду и устояла в неё. Он был... Хранители равнин, этого не может быть! Влюблённым! Что я говорю?! Нет, правда... Но откуда маленькой девочке иметь такой взгляд? Она не мальчугана увидела! Мне показалось... или... Ох! Да она смотрела на звезду так, как, наверное, моя мать смотрела на отца, когда тот ей супружеский союз предложил! Фу! Какая несуразица!»

Афел посмотрел влево. Солнце возвышалось над водяной гладью пальца на два вытянутой руки. Светило пускало свой свет по водной ряби издали, и тот мягко ложился на дрожащую гладь, отливая нежно-оранжевым.

«А что это был за взгляд? Тот, второй. Он был... Как будто женщина не увидела среди возвращающихся с охоты мужчин... своего... Нет, не так! Будто его убили на её глазах. Вот нечто подобное, да... И то и другое. Его нет... Он исчез. Оно одна теперь. Да! Одинокая... вдова? Тьфу! Моя маленькая Налли – вдова! Я ещё не слышал такого безумия. Твоя... Да какая она теперь твоя! Да ты кто?.. Почти уб... Тьфу!» – Афел снова резко дрыгнул головой, что-то пробурчал себе под нос и медленно встал, сам не зная зачем, побрёл к шатрам.

Подождал к своему шатру, осторожно заглянул в него. Пусто. Родители унесли куда-то Налли. «Что?! Прямо на рассвете... а-а-а, нет! Только не к лекарю, прошу!!! Ну а куда еще?! Ей плохо...» – Афел понёсся к шатру... Тахана. Он лекарь. А ещё он тот, кого Афел сейчас меньше всего хотел видеть.

Тахан мазал целебной мазью руки без памяти лежавшей девочки. Алхана, глотая слезы, сидела, прижавшись к мужу.

– Орикир... – шёпотом сказал Тахан. – Ты так и не ответил. Скажи же причину такой беды. Что нанесло несчастной такие раны? – старый охотник, в отличие от Афела и Орикира,

в присутствии женщин задумывался над своими словами так же часто, как при мужчинах. Ему и в голову не приходило, что рядом сидит мать этой «несчастной». Такой человек.

– Тахан, я полагаю, кожа Налли очень нежна. Они с Афелом посреди ночи удумали разжечь костер, – Алхана, вспомнив недоброе, нахмурилась, но тут же оправилась. – Ума не приложу, что им...

– Готово, – буркнул лекарь. Алхана подскочила, взяв дочку на руки, кивком поблагодарила старика, вышла из шатра.

Афел лицом к лицу столкнулся с матерью.

– Мама, – начал было он.

– Ты-ы солга-ал мне-е!!! – следом за Орикиром из шатра, грозно раскачивая руками, вышел Тахан. – Я видел эти же самые ладони у моего предка! Проклятая звезда!!! – кричал старик, потом запнулся, увидев Афела, – Ты! Ты-ы... – Тахан медленно поднял руку, указывая пальцем на юношу. – Губитель! Негодный! Вон из пл... – Орикир схватил обеими руками голову лекаря, закрыв ладонью рот.

– Тахан, он лучник из лучников. Он ещё племя прокармливать будет! Вот посмотришь! Из шатров стали показываться сонные лица.

– Старому лекарю кошмар приснился, как он считает – пророческий... А это я чтоб ваш сон не нарушить, – Орикир отпустил Тахана, и, обняв за талию расстроенную жену и поманив за собой ошарашенного сына, побрел в свой шатер.

Старый охотник смотрел им вслед, вонзив в Афела ненавидящий взгляд. Своему гневу он даже дивился, но слишком велико было предчувствие чего-то ужасного. Он был уверен, что сообщить об этом необходимо. Особенно вождю. Пусть он думает.

– Налли так крепко спит, – Алхана обеспокоенно смотрела мужу в глаза.

– Думаю, сон её лечит.

– Главное... – Алхана недоговорила, новый комок подошел к горлу.

– Не так все, – Орикир понял страхи жены. – Она проснётся, заживёт обычной жизнью.

Так, Афел? – он обернулся к сыну, в его голосе не было ни неприязни, ни гнева, ни даже строгости.

– Да, папа. Всё будет хорошо.

Алхана, сама не зная отчего, потянулась к сыну. Они обнялись крепко.

– Ты заботься о ней всегда, никогда не оставляй, – почти шептала женщина, подавляя попытки снова заплакать.

– Конечно, мам.

Она медленно отпустила сына, ослабив объятия, встала и, сделав знак Орикиру, вышла из шатра. Тот мельком глянул на сына, покинул жилище следом.

И... Афел остался наедине с той, которую чуть было не погубил этой ночью. Со своей любимой младшей сестрой. Он, не видя ничего перед собой, на коленях подполз к её спальному месту. Посмотрел на лицо девочки. Оно источало боль и усталость, но было в нём какое-то спокойствие. Хотя, наверное, думал он, ему это всё кажется. Он присмотрелся ещё раз. Спокойствия не было и следа. Лицо источало энергию. Афел мысленно махнул рукой. Закрыв глаза. Потом, сам не обратив на то внимание, проник пальцами в её волосы. Открыл глаза. Задумался, какой цвет у её волос? Он что-то напоминал ему. Где то он видел... золото. Да, красивые самородки, мягче камня. И так блестят на солнце... Он помнил, как остроконечным камнем царапал и резал один из них. Это было его детство, Налли ещё не родилась. Афел задумался, а где же его доставали? Он уже и не помнил. Быть может, из пород Зелёной скалы... до того как она обрела дурную славу. Так вот, решил для себя Афел, что у его сестры волосы как золото, только тёмное, очень тёмное золото. Так он и назовет их цвет. Тёмное золото. Он снова посмотрел на её лицо. Опять какое-то страдание. И он уже не вынес, заплакал. Да, Алхана так хотела, потому она и покинула шатёр, чтобы оставить сына наедине с сестрой. Она знала его

нежное сердце, и ему тоже надо выпустить боль. Афел вытер лицо рукой, достав её из тёмно-золотых волос, открыл заплаканные глаза и чуть не задохнулся. Налли в упор смотрела на него. Он ритмично задышал, переводя дух. Да, он не вскрикнул, но душа ушла в пятки. «Что у неё за взгляд?». Он шёпотом позвал её. Ничего. В глазах у неё ни боли, ни страха, ни усталости, ни бодрости. Ничего. Он даже дыхания не слышал. Мёртвая.

– НАЛЛИ!!! – сдавленный вопль вырвался из него.

– То есть ты хочешь сказать, что Афел, сын Орикира, достал с небес звезду, чтобы дать её своей малолетней сестре? Но зачем? Тахан, ты говоришь мне странные вещи. Хм... Орикир заверил нас, что такого не случится, но звезда все же сошла с небес и принесла свой предсказуемый и очевидный вред. Что с малышкой? Она в порядке? – поинтересовался обеспокоенный Тактарул.

– Нет, вождь, девочка совсем плоха. Что с ней прямо сейчас, мне не ведомо. Руки ей звезда гадкая испортила. Красные, как кровь. Не знаю, что с ней будет.

– Нехорошо, нехорошо. Хм... – Тактарул обернулся к сыну. – Викафил, ты чего не спишь? Ты чего хнычешь? Что такое?

– Налли жалко, – мальчик поднял на отца влажные глаза. – Папа, а если она... она... – Викафил совсем разрыдался. Тактарул придвинул сынишку к себе и обнял, успокаивая.

– Все с ней хорошо будет, сынок. Поверь папе. Он вождь, он всё знает.

Тахан встал. На выходе обернулся и сказал:

– Мы не знаем чего ждать, Тактарул.

И покинул шатер.

– Ты уже все рассказал... – Орикир стоял недалеко от шатра вождя. Племя просыпалось. Люди выходили из шатров, смотрели, щурясь, на восток, договаривались о делах на сегодня.

– Да, Орикир. Вождь знать должен. Как твоя дочь? Жива? Здорова?

– Я не знаю точно.

– Орикир! – возмутилась Алхана.

– Я верю, что с ней все будет хорошо, – обернулся он к жене.

– Она будет жить!

– И мы все на это надеемся, Алхана, – обратился к женщине Тахан.

Тактарул вышел из шатра и открыл рот, чтобы сказать своё слово, но его остановил едва слышимый крик, донесшийся с западного края племени. Это было имя...

Глаза Орикира остекленели. Ноги подкосились, но охотник не упал. Алхана, широко открыв глаза, медленно осела на колени. В беззвучном крике она открыла рот. Тихий стон бедной женщины нарушил тишину. Тахан неслышно промолвил:

– Не спасли...

Афел схватил девочку за плечи и с силой потрянул.

– А! А! – подала голос Налли. Взгляд её изменился, и она с удивлением смотрела на брата. Афел застыл. «Жива... Жива!» – юноша пытался докричаться до своего сознания, но оно упрямо не выходило из оцепенения. Налли, приподнявшись, села и обняла Афела. Тот задрожал, в глазах навернулись слёзы и он заплакал. Обнял, медленно сведя руки за спиной сестры, и сильно прижал её к себе.

Охотники и женщины с тревогой наблюдали за происходящим. Некоторые расходились, не желая досаждать любопытством. Тактарул недолго думал, и, увидев состояние Орикира и Алханы, с сожалением покачал головой и пошёл к их шатру. Тахан последовал за ним. Орикир сидел на земле и обнимал рыдающую жену. Вождь дошел до места и заглянул внутрь. Улыбнулся. Сзади подходил Тахан. Он увидел лицо вождя и, всё поняв, кивнул ему. Они вместе вернулись. Тактарул сообщил:

– Орикир, Алхана, Налли жива. Идите к ней.

Вождь посмотрел на свой шатёр. На входе стояла его жена, держа за руку Викафила, со счастливой улыбкой глядевшего на отца и вытирающего слезы рукой.

ЧАСТЬ 2

Глава 1

Спустя двенадцать лет...

– Афел, ты дурак.

Налли с кувшином в руках смотрела на сидевшего у костра брата. Тот, держа над огнём палочки с кореньями, обернулся:

– А что не так?

– Ты испортил коренья.

– Я всё делал, как ты сказала.

– Нет, готовка – это не твоё.

Девушка присела рядом, поставила кувшин на землю и взяла у старшего охотника палочки. Улыбнулась.

– Иди, вон, за тиктунаком с луком бегай.

Лицо Афела изобразило торжество.

– За тиктунаком лучники не бегают, ведь это бесполезно. Таукварки расправляются с ним.

– Ах, ну разумеется.

– Ты ничего не смыслишь в охоте.

Налли легонько толкнула брата в бок.

– Приветствую, корневары!

– Здравствуй, Викафил, – Налли подняла на юношу глаза. – Хочешь попробовать стряпни старшего охотника?

Теперь Афел слегка толкнул в бок сестру.

– Не слушай её, Викафил. Она не умеет рассказывать, как это всё делается.

– «Как это всё делается», – Налли передразнила брата. – Кто б слушал.

– Ладно, друзья, – обратился к спорщикам Викафил. – Коренья варить не все горазды, тем более это дело женщин. – Афел довольно улыбнулся, а Налли негодуяще посмотрела на «охотно её поддержавшего» сына вождя. – У меня есть дело к лучнику из лучников.

Афел сделал серьёзную мину. Викафил молчал. Налли уверенным голосом сказала:

– Ну куда я уйду? У меня готовка.

Афел сделал Викафилу знак рукой и встал. Мужчина и юноша отошли от костра на четверть племени.

– Говори, что там...

– Нет, я не с приказом от отца. Дело к тебе личное, – голос Викафила стал тише. – Я прошу тебя или научить меня делать луки, как делаешь их ты, или...

– Чтобы я его тебе сделал? – Афел поднял на сына вождя добрые глаза.

– Я сам сделаю, ты только научи.

– Почему раньше не просил?

– Не решался, – Викафил сжал губы.

– Хмм... – Афел с пониманием глядел на юношу. – Тот лук давно сгинул. Отец переломил его надвое и сжег, ещё тогда... – старший охотник нахмурился, воспоминания предстали перед глазами. – Налли я сказал, что потерял его...

Викафил повернулся, посмотрел в сторону костра. Налли уже варила коренья. Она заметила, что он на неё смотрит, и скорчила серьёзное лицо. Он ей улыбнулся. Афел тоже поглядел на сестру. Она склонила лицо вбок и мило ему помахала. Сейчас она на год старше того Афела...

– Любишь её?

Улыбка сошла с лица Викафила, продолжавшего смотреть на Налли.

– Руки так и не зажили... Кроваво-красная кожа, – сын вождя перевел на Афела взгляд и ответил: – С самого детства, лучник из лучников.

Он вновь взглянул на Налли и вдруг усмехнулся. Та сморщила лицо в брезгливой гримасе и указывала пальцем в испорченные корни, лежавшие слева от неё. Когда Афел повернулся к ней, она уже мирно помешивала поджаренные корни в чарке для варки. Он задумчиво улыбнулся, видимо догадываясь, что так развеселило сына вождя.

– Я подумаю над твоей просьбой и скажу, когда и где буду тебя учить, – сказал Афел обрадованному Викафилу. – Теперь ты куда? Налли будет не против угостить тебя корнями.

– Я с удовольствием.

– Тогда пошли, – улыбнулся Афел юноше.

Налли не видела, как брат и Викафил возвращались к костру. Афел неслышно присел зади сестры и издал тихий сигнальный звук. Она обернулась и увидела двух сидящих охотников.

– Проголодались?

– Да нет, просто хотим отведать, – сказал Афел.

– Ну тогда подождите немного, скоро будет готово.

И девушка отвернулась, и её волосы мягко легли на прежнее место. «На солнце они блестят точь-в-точь как золото и при том сохраняют свой тёмный оттенок», – подумал Афел, разглядывая локоны сестры. Во всём племени она была красавицей из красавиц, как он – лучником из лучников. Только алые ладони отличали её от сверстниц, и, честно говоря, не в пользу Налли. Мужчины – охотники как младшие, так и старшие – и не думали о супружестве с ней. Ни один из них не предложит ей стать его женой. Охотников почти отпугивали эти кровавые ладони, которые приобрели свой странный цвет по всем известной причине. Исключение, по мнению Афела, составлял один Викафил. Но он больше стеснялся предложить Налли создать с ним семью, чем чурался её ладоней. Сама же Налли догадывалась о чувствах юноши, потому как тот никогда не скрывал своих к ней симпатий, что всегда было взаимно. Подруг у Налли так и не завелось с самого детства, и, пожалуй, Викафил был ей самым близким человеком из молодёжи, не считая брата. Сын вождя сам по себе рос настоящим охотником, но имел нерешительность лишь в одном – в личной жизни. За последние пару-тройку лет он совсем свыкся с мыслью, что Налли – его подруга, да и она, похоже, в этом отношении имела такое же мнение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.